

Однажды, когда стояли сильные холода, он не только напялил на себя несколько фуфаек, но еще развесил на окне три-четыре локтя зеленого фрина, говоря: «Этот мороз, видно, полагает, что мне не из чего нашить себе фуфаек. Я докажу ему обратное».

В ту же зиму у Малерба оказалось такое количество чулок, главным образом черных, что, дабы не надевать на одну ногу больше, чем на другую, он, натягивая чулок, всякий раз бросал в миску небольшую бляшку. Ракан посоветовал ему вышить цветным шелком на каждом чулке букву и надевать чулки в алфавитном порядке. Малерб так и сделал; на следующий день он сказал Ракану: «Я уже до „z“ дотянул», — в том смысле, что на нем столько пар чулок, сколько букв от начала до середины алфавита. Как-то у г-жи де Лож он заявил, что на нем четырнадцать рубашек, фуфаек и различных поддевок. Все лето он одевался в бархат, но все всегда накидывал плащ на оба плеча.

По сему поводу он говаривал, что бог посылает стужу лишь для нищих или дураков, а те, у кого есть чем согреться и во что одеться, от холода страдать не должны.

Когда с ним говорили о государственных делах, он всегда приводил слова, кои написал в обращенном к г-ну де Люнну вступительном Послании к сочинениям Тита Ливия: «Не надобно вмешиваться в управление кораблем, на коем ты всего лишь пассажир».

Однажды, заболев, Малерб послал за Тевненом, главным лекарем, служившим у г-на де Бельгарда. Тевнен предложил ему прислать какого-нибудь другого врача, хотя бы г-на Робена: «Это еще что за Крашкоев семья?»²⁶ Не желаю и его!». — «Ну, так, может быть, вам угодно будет пригласить г-на Гейбо?». — «Ну нет! Это же просто собачья кличка: Гейбо, тубо! Гейбо!». — «Может быть, тогда г-на д'Асье?»²⁷ Еще хуже: он, небось, пожестче железа». — «В таком случае, г-на Провена?». Малерб согласился.

Г-н Моран, казначей Королевской казны, родом из Кана, пообещал Малербу и одному из его приятелей, некоему дворянину, также уроженцу Кана, уплатить каждому, уж не помню за что, по чотыреста ливров, оказывая им тем самым великую любезность. Он даже пригласил их к обеду. Малерб не соглашался туда ехать, ежели за ним не пришлют карету. Наконец, упомянутый дворянин уговорил его отправиться верхом. После обеда им отсчитали деньги. По дороге домой Малербу взбрело в голову купить кованный сундук. «Для чего он вам?» — спрашивает приятель. «Чтобы деньги туда запереть». — «Да ведь он будет стоить половину ваших денег!». — «Неважно, — отвечает Малерб, — для меня двести ливров, что тысяча для другого». И пришлось ему такой сундук купить.

Патрис* как-то раз застал его за столом. «Сударь, — сказал Поэт, — у меня всегда было чем пообедать, но ни разу не было ничего такого, что можно было бы оставить на тарелке».

* Патрис — дворянин. Он из Кана, но родом из Лангедока.